

85.7

П90

ЭСТРАДАНЫЙ СБОРНИК

ПУТЬ

К

ПОВЕДЕ

ИСКУССТВО 1945г.

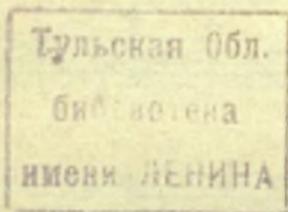
93658

85.7
П90

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

W
W-2193658
Z
y

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТРАДНЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва 1945 Ленинград

*Составлен Репертуарным кабинетом
Всероссийского Театрального
Общества*

Редактор Н. Зограф

Музыкальный редактор М. Иорданский

*А13747. Подписано к печати 7/II 1945г. „Искусство“ № 2808. Печ. лист. 2³/₄.
Уч.-изд. л. 3,7. Зн. в 1 п. л. 56376. Зак. 4. Тираж 25000. Цена 4 руб.*

Типография „Красный печатник“, Москва, ул. 25 Октября, 5.

ПРОСЛАВЛЕН НАШ НАРОД

Слова Н. АСЕЕВА

Музыка Д. ВАСИЛЬЕВА-БУГЛАЯ

Торжественно

Ф-п.

The piano accompaniment for the first system is written for a grand piano (Ф-п.). It features a right-hand melody with a dynamic marking of *f* (forte) and a left-hand accompaniment consisting of chords and single notes. The tempo/style is indicated as 'Торжественно' (solemn).

Тенора *mf*

ХОР 1. Прославлен наш народ и разумом, и волей у

Басы *mf*

The vocal staves for the first system include a Tenor part (Тенора) and a Bass part (Басы), both marked *mf* (mezzo-forte). The lyrics are: 'ХОР 1. Прославлен наш народ и разумом, и волей у'. The Tenor part has a melodic line with some grace notes, while the Bass part provides a harmonic accompaniment.

The piano accompaniment for the second system continues the piece, marked *mf*. It features a right-hand melody with a dynamic marking of *mf* and a left-hand accompaniment consisting of chords and single notes. The tempo/style is indicated as 'Торжественно' (solemn).

всех земных ши. рот, в всех земных раз. до - лий. Ве

- ли - кий, мо - гу. чии со. ветс ки наш на. род, ве - ли - кий, мо.

Для повторения

Для окончания

- гу - чий со - ветс. кий наш на - род. 2 К борь - гу. чий со -

mf

- ветс. кий наш на - род, наш на - род!

ff

1. Прославлен наш народ
И разумом и волей
У всех земных широт,
У всех земных раздолгий,
Великий, могучий } 2 раза.
Советский наш народ! }
2. К борьбе его зовет,
Простерши руку, Ленин,
В стремлении вперед
Вовски неизменен,
Великий, могучий } 2 раза.
Советский наш народ! }
3. В пути его ведет
Великий духом Сталин,
Народ за ним идет,
В бореньях неустанен,
Великий, могучий } 2 раза.
Советский наш народ! }

А. СУРКОВ

СТАЛИНСКИЕ СОЛДАТЫ

Мы — сталинские солдаты
Великой советской земли,
Мы знаем, что дни расплаты,
Дни мести нашей пришли.
Под ливнями рваной стали
Мы вышли в поход большой.
Сердцами мы не устали,
Не постарели душой.

Сердца обуглены боем,
На старых шинелях кровь,
Но ярость палящим зноем
Не выжгла нашу любовь.
Задремлет солдат с устанку
В недолгий час тишины,
И хлынут к нему в землянку
Предвестием радости — сны.
Таджику Памир приснится,
Путиловцу — Ленинград,
Донцу — родная станица,
Цветущий вишневый сад.
И будто уйдет ненастье,
И будто, как светлый луч,
Проглянет людское счастье
Из черных, угрюмых туч.
И Сталин окинет взглядом
Всю землю из края в край,—
И станет цветущим садом
Врагом оскверненный рай.
Омыт слезами и кровью,
Он будет родней во сто крат...
На Ладогу, к Приднепровью
Вернется с войны солдат.
Исполнив обет расплаты,
Придем за плуг, за станки
Мы, сталинские солдаты,
Окопники, фронтовики.

К. СИМОНОВ
БЕССМЕРТНАЯ ФАМИЛИЯ

Когда шли бои еще на Десне, однажды мы застряли из-за неисправности машины на самом неудачном месте — около временного моста через реку, который наскоро наводили саперы. Как раз в те полчаса, что мы там просидели, три-четыре немецких самолета напали на переправу и начали бросать вокруг нее мелкие бомбы. Мы стали невольными свидетелями того, как маленький чернявый майор, командовавший построшкой, поднял своих саперов, которые сначала было залегли, а потом стали продолжать работу. Немцы еще кружились в воздухе, и машины их отчаянно жужжали, а построшка моста шла своим чередом.

Я бы, наверно, забыл об этом маленьком эпизоде, но некоторые обстоятельства впоследствии напомнили мне о нем. Снова я был примерно на том же направлении: сначала на Днестре, потом за Днестром. Пришлось догонять далеко ушедшую вперед армию. На дороге бросалась в глаза то и дело повторявшаяся фамилия, которая, казалось, была неслучайной спутницей дороги. То она была написана на куске фанеры, прибитом к телеграфному столбу, то на стене хаты, то мелом на броне полуразбитого вражеского танка: «Мин нет. Савельев»; или: «Дорога разведана. Савельев»; или: «Объезжать влево. Савельев»; или: «Мост наведен. Савельев»; или, наконец, просто: «Савельев» и стрелка, указывающая вперед.

Судя по содержанию надписей, нетрудно было догадаться, что это фамилия одного из саперных начальников, шедшего вместе с передовыми частями и расчищавшего дорогу для армии. Надписи были часты, подробны и, что главное, всегда соответствовали действительности. Проехав добрых двести километров, я на двадцатой или тридцатой

из этих надписей вспомнил чернявого маленького майора, который под бомбежкой командовал постройкой моста на Десне. И мне вдруг показалось, что, может быть, это как раз он и есть таинственный Савельев, идущий впереди войск в качестве саперного ангела-хранителя.

На берегу Буга мы заночевали в деревеньке, где разместился полевой госпиталь. Вечером, собравшись у огонька, вместе с врачами мы сидели и пили чай. Не помню уже почему, я заговорил о надписях Савельева.

— Да, да,— сказал начальник госпиталя.— Уже чуть ли не полтысячи километров идем мы по этим надписям. Знаменитая фамилия. Настолько знаменитая, что даже некоторых женщин с ума сводит... Ну, ну, не сердитесь, Вера Николаевна. Я шучу.

Начальник госпиталя повернулся к молодой женщине-врачу, сделавшей в ответ на его слова протестующий жест.

— А тут не над чем шутить,— сказала она и обратилась ко мне:— Вы ведь дальше, вперед поедете?

— Да.

— Вы знаете, они вот смеются над моим, как они говорят, суеверным предчувствием, но я ведь тоже Савельева, и мне кажется, что эти надписи на дорогах оставляет мой брат.

— Брат?

— Да. Я ничего не знаю о нем с начала войны. Мы с ним расстались еще в Минске. До войны он был инженером-дорожником. Мне все почему-то кажется, что это как раз он. Больше того, я верю в это.

— Верит,— прервал ее начальник госпиталя,— да еще сердится, что Савельев к своей фамилии не присовокупил инициалов.

— Да,— согласилась Вера Николаевна,— очень обидно. Если бы еще была надпись «А. Н. Савельев» — Александр Николаевич, я бы уже была совсем уверена.

— Даже, знаете, что сделала? — снова добавил начальник госпиталя. — Она один раз к такой надписи приписала внизу: «Какой Савельев? Не Александр Николаевич? Его ищет его сестра Савельева, полевая почта 1390Б».

— Так и написали? — спросил я.

— Так и написала. Только надо мной все смеялись и уверяли, что саперы здесь уже больше не появятся. Это, наверно, правда, но я все-таки написала... Вы, когда поедете вперед, — продолжала она, — на всякий случай спросите в дивизиях. А тут я напишу вам нашу ПП. Если узнаете, сделайте одолжение, напишите мне хоть две строчки.

— Хорошо.

Она оторвала кусочек газеты, написала на нем свой почтовый адрес и протянула мне. Пока я прятал в карман гимнастерки этот клочок бумаги, она провожала его взглядом, как бы стараясь проследить, чтобы адрес был надежно устроен.

Наступление продолжалось. На Днестре и за Днестром я еще встречал фамилию «Савельев». «Дорога разведана. Савельев»; «Переправа наведена. Савельев»; «Мин нет. Савельев». И снова просто: «Савельев» и стрелка, указывающая вперед.

В апреле, уже в Бессарабии, я попал в одну из наших стрелковых дивизий, где спросил генерала о заинтересовавшей меня фамилии.

— Ну, как же. Это же командир моего саперного батальона — майор Савельев. Замечательный сапер. А что вы спрашиваете? Наверно, фамилия часто попадалась?

— Да, очень часто.

— Еще бы. Не только для нашей дивизии, он для целой армии дорогу разведывает. По всей армии знаменитая фамилия, хотя мало кто его и в глаза видел. Больше полтысячи километров прошел. Знаменитая, можно сказать, бессмертная фамилия.

Я снова вспомнил о переправе через Десну и сказал генералу, что хотел бы увидеть Савельева.

— А это уж подождите. Если какая-нибудь временная остановка у нас будет, — тогда. Сейчас вы его не увидите, — он где-то впереди с разведывательными частями.

— Кстати, товарищ генерал, как его зовут? — спросил я.

— Зовут? Александр Николаевич. А что?

Я рассказал генералу о встрече в госпитале.

— Да, да, — подтвердил он, — по-моему, он из запаса. Хотя сейчас такой вояка, что как будто сто лет в армии служит. Наверно, он самый.

Ночью, порывшись в кармане гимнастерки, я нашел обрывок газеты с почтовым адресом госпиталя и написал врачу Савельевой несколько слов, что предчувствие ее не обмануло и что скоро тысяча километров, как она идет по следам своего брата. Помню, я тогда был очень доволен тем, что не потерял адреса и при всей своей нелюбви к писанию писем все-таки сразу выполнил обещание. Через неделю мне пришлось пожалеть об этом.

На Пруте мост еще не был наведен, но два исправных парома монотонно и непрерывно двигались от одного берега к другому. Подъезжая к левому берегу, я увидел на лите разбитого немецкого самоходного орудия знакомую надпись: «Переправа есть. Савельев». Я переправился через Прут на медленно тянувшемся пароме и, выйдя на берег, огляделся, невольно ища глазами ту же знакомую надпись. В двадцати шагах, на самом обрыве, я заметил маленький свеженасыпанный холмик с заботливо сделанной деревянной пирамидкой. Наверху, под жестяной звездой, была прибита квадратная дощечка. «Здесь похоронен, — гласила она, — павший славной смертью сапера при переправе через реку Прут майор А. Н. Савельев».

Под этой надписью неведомо откуда добытой красной краской была выведена другая крупная надпись, ставшая

славной традицией еще со времени первого зимнего наступления в 1941 году: «Вперед, на запад».

Внизу, на пирамидке, под квадратным стеклом была вставлена фотография. Я взгляделся в нее. Снимок был старый, с обтрепанными краями, наверное, долго лежавший в кармане гимнастерки, но узнать все же можно было: это был тот самый маленький майор, которого я видел больше чем полгода назад на переправе через Десну.

Я долго простоял рядом с могилой. Разные чувства волновали меня. Было жаль сестру, потерявшую своего брата, не успев еще, быть может, получить письмо о том, что она нашла его. И потом еще какое-то чувство одиночества охватило меня. Казалось, что-то не так будет дальше на дорогах без этой привычной надписи «Савельев». Мы подождали, пока с парома выгрузили наши машины, и поехали дальше. Через пятнадцать километров, там, где по обеим сторонам дороги спускались глубокие овраги, мы увидели на обочине груды наваленных друг на друга похожих на большие лепешки немецких противотанковых мин. На одиноком телеграфном столбе виднелась фанерная дощечка с той же надписью: «Дорога разведана. Савельев».

Здесь, конечно, не было ничего сверхъестественного. Просто, как и многие части, в которых долго не менялся командир, саперный батальон привык себя называть батальоном Савельева. Его люди чтили память погибшего командира и, продолжая открывать дорогу армии, надписывали его фамилию там, где они прошли. Но вместе с тем был в этом высокий символ бессмертия людей, идущих вперед.

С. МИХАЛКОВ

ПРО ПОБЕДУ

(Третья быль для детей)

* * *

Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...
По дорогам, там и тут,
Волки серые бредут.

Их не десять и не двадцать,
Их не двести пятьдесят,—
Может армия набраться
Офицеров и солдат.

Друг за дружкой, пешим строем,
По камням и по траве,
Пленных немцев под конвоем
Гонят к матушке-Москве.

Облаками пыль клубится
Над дорогой фронтовой...
Что не весело вам, фрицы?
Что поникли головой?

Вы не ждали, не гадали
Ни во сне, ни наяву:
Только так, как хочет Сталин,
Попадете вы в Москву.

Мимо вас везут трофеи
В наши русские музеи,

Чтобы людям показать,
Чем вы нас хотели взять.

А навстречу мчат машины
Наших доблестных полков:
«Далеко ли до Берлина?» —
Вам кричат с грузовиков.

«Не устанут наши ноги,—
Сталинградцы говорят,—
На Берлин ведут дороги,
Отомстим за Сталинград».

«Мы предъявим счет Берлину
За родную Украину». —
«Мы за Минск». — «А мы за Крым». —
«За людей, в печах сожженных
И в неволю увезенных,
Отомстим».

Облаками пыль клубится
По дорогам, там и тут, —
Францы, Морицы и Фрицы,
Душегубы и убийцы,
Под конвоем в плен идут.
Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...

• • •

Под победный грохот пушек
Против немцев в наши дни
В море, в небе и на суше
Мы воюем не одни.

Руки жмет бойцам английским
Русской армии солдат,

А далекий Сан-Франциско
Оказался так же близко,
Как Москва и Ленинград.

Три народа-исполина,
Дело правое творя,
Доберутся до Берлина
Через горы и долины,
Через реки и моря.

С ними рядом, с ними вместе,
Как поток ломая лед,
Ради вольности и чести
И святой народной мести
За народом встал народ.

«Мы,— сказали югославы,—
Не уступим нашей славы.
Нам под немцем не бывать».
И словаки заявили:
«Нашу волю задавили.
Как же нам не воевать?»

Откололись от Берлина
Итальянцы и румыны:
«Хватит драться за Берлин».
Неохота и болгарам
Погибать за немца даром:
«Пусть ко дну идет один».

Будет жить француз в Париже,
В Праге — чех, в Афинах — грек.
Не обижен, не унижен
Будет гордый человек.

Лягут спать однажды дети,—
Окна все затемнены,—
А проснутся на рассвете:
В окнах свет, и нет войны.

Города вздохнут свободно —
Ни налетов, ни тревог.
Поезжай куда угодно
По любой из всех дорог...

Ты живешь в такой отчизне,
Где воюет весь народ,
Не жалея сил и жизни,
День за днем четвертый год.

Значит, ты с народом вместе
И с народом заодно,
На каком бы ни был месте:
В школе, в шахте — все равно.

Помогай советской власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На израненной земле.

НА БЕРЛИН!

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка А. НОВИКОВА

Темп марша

Ф-п.

Introduction for piano (Ф-п.) in 4/4 time, marked 'Темп марша' (March tempo). The music is in a minor key and begins with a strong dynamic 'f'. It features a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes in the right hand and a steady bass line in the left hand.

Затевала, энергично

1. Го- ним, го- ним, всю- ду го- ним фри- ца!

Vocal line and piano accompaniment for the first line of the song. The vocal line is marked 'Затевала, энергично' (Starts energetically) and 'mf'. The piano accompaniment provides a rhythmic accompaniment with chords and moving lines.

Вновь сво- бо- ден наш ро- ди- мый край!

Vocal line and piano accompaniment for the second line of the song. The vocal line continues the melody with a strong dynamic 'f'. The piano accompaniment continues with a steady rhythm.

2 Путь к победе

Тульская обл.
Библиотека
имени ЛЕНИНА

Все

Здравствуй, здравствуй, ми-ла-я гра-ни-ца, си-ний

The first system of the musical score consists of a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line begins with a treble clef, a key signature of two flats (B-flat and E-flat), and a common time signature. The lyrics are written below the notes. The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and chords in the right hand.

Привеи. Четко

Не-ман, го-лу-бои Ду-най! Сыг-рай, тру-бач, по-

The second system continues the musical score. The vocal line includes dynamic markings such as *f* and *f>*. The piano accompaniment also features dynamic markings and includes a *cresc.* marking under a bracketed section of the bass line.

- бед-ну-ю, сол-дат-ску-ю за-вет-ну-ю. Эх!

The third system concludes the musical score on this page. The vocal line ends with the exclamation "Эх!". The piano accompaniment includes a *cresc.* marking and a *sfz* marking at the end.

mf *f*

Нам, друзь-я - то - ва - ри - щи, путь о - дин,-

mf *f*

I *Сильно* *f* *f*

В вол. чью бер-ло-гу - до-ро-га на Бер-лин! Эх!

f marc. *sf*

II *ff* *ff*

В вол чью бер-ло-гу. на Бер-лин! На Бер-лин!

ff

1. Гоним, гоним, всюду гоним фрица!
Вновь свободен наш родимый край!
Здравствуй, здравствуй, милая граница,
Синий Неман, голубой Дунай!

Припев:

Сыграй, трубач, победную,
Солдатскую заветную.

Эх! Нам, друзья-товарищи, путь один — } 2 раза
В волчью берлогу — дорога на Берлин.

2. Ждут нас, ждут нас пленники в темницах,
К ним на помощь Сталин нас ведет.
Где ты, где ты, милая сестрица?
Слышишь, слышишь, брат к тебе идет!

Припев.

3. Кружат, кружат в небе самолеты,
Пушки наши бьют наверняка,
Грозным маршем движется пехота,
Танки, танки рвутся на врага!

Припев.

4. Ты — в пехоте, я, брат, на машине,
Нам обоим жаркая пора.
Скоро, скоро свидимся в Берлине,
Дружно грянем русское «ура»!

Припев.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

НЕ ЗАБУДЕМ, НЕ ПРОСТИМ

Каждый из тех, кого немец убил,
Был нашим братом, страдал и любил,
Так же, как мы, улыбался весне,
Милые образы видел во сне.
С лаской глядел он на малых детей,
Счастья хотел для себя и людей,
Так же, как я, или так же, как ты,
Песни певал и любил он цветы...

Столько изведал смертельной тоски
Каждый, кто пал от немецкой руки.
Только подумай, как мучился он,
Сколько вложил он в последний свой стон.
Разве мы можем сб этом забыть?
Разве мы можем спокойными быть?
Слезы убитых напомнит роса,
Ветер повторит нам их голоса.

Слышишь, как стонет от пытки старик?
Слышишь ребячий заглушенный крик?
Слышишь, как девушки плачут в ночи?
Видишь, как корчатся трупы в печи?
Вспомни, солдат, на немецкой земле
Детские кости и череп в золе,
Вспомни и крикни всем сердцем своим:
— Нет, не забудем мы! Нет, не простим!

В. ТУШНОВА

САЛЮТ

Мы час назад не думали о смерти...
Мы только что узнали: он убит.
В измятом, наспех порванном конверте
На стуле извещенные лежит.

Мы плакали. Потом молчали обе.
Хлестало в стекла дождиком косым...
По-взрослому нахмурив круглый лобик,
Молчал ее четырехлетний сын.

Потом стемнело. И внезапно, круто
Ракетами врезаясь в вышину,
Волна артиллерийского салюта
Тяжелую качнула тишину.

Мне показалось, будет очень трудно
Сквозь эту боль и слезы видеть ей
Цветенья желтых, красных, изумрудных
Ликующих над городом огней.

Но только я хотела синей шторой
Закрыть огни и море светлых крыш,
Мне женщина промолвила с укором:
«Зачем? Пускай любитесь малыш».

И, помолчав, добавила устало,
Почти уйдя в густеющую тьму:
«Мне это все еще дороже стало —
Ведь это будто памятник ему».

ПРО „КАТЮШУ“

Слова М. ИСАКОВСКОГО

Музыка В. ЗАХАРОВА

Темп походной песни

Затем

И на

Ф. Ал.

мо ре, и на су. ше, эх, го др. рогам франто.

- вым, эх, хо дит рус ска-я Ка- тю ша, хо дит ша- гом.

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in G major, with lyrics: "- вым, эх, хо дит рус ска-я Ка- тю ша, хо дит ша- гом." The middle and bottom staves form a piano accompaniment, with the left hand playing a steady eighth-note bass line and the right hand playing chords and moving lines.

Хор ff sf

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, Эх!

сиа-жем, бо. е. вым.

ff sf

Ха, ха, ха, ха!

The second system of the musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line with lyrics: "Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, Эх!". The middle and bottom staves form a piano accompaniment. The system is marked with dynamics *ff* and *sf*. The lyrics "сиа-жем, бо. е. вым." are written below the piano accompaniment. The system concludes with the vocal line repeating "Ха, ха, ха, ха!" and the piano accompaniment ending with a final chord.

Хо - дит гроз на - я , Ка - тю - ша , Хо - дит ша - гом ,

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is the vocal line, with lyrics written below it. The middle and bottom staves are for piano accompaniment. The music is in a major key and 2/4 time. The lyrics are: "Хо - дит гроз на - я , Ка - тю - ша , Хо - дит ша - гом ,".

		Для повторения	Для окончания
ска - жем бо е - вым. Ха, ха, ха, ха, ха,		ха, ха, ха, ха!	ха, ха, ха!
		Ха, ха, ха, ха!	Ха, ха, ха, ха!
		Для повторения	Для окончания

The second system of the musical score is divided into four measures. The first two measures are for the vocal line with lyrics: "ска - жем бо е - вым. Ха, ха, ха, ха, ха,". The last two measures are for the vocal line with lyrics: "ха, ха, ха, ха!" and "ха, ха, ха!". Above the first two measures is the label "Для повторения" (For repetition), and above the last two measures is "Для окончания" (For ending). Below the first two measures is "Ха, ха, ха, ха!" and below the last two measures is "Ха, ха, ха, ха!". The piano accompaniment continues throughout.

1. И на море и на суше
По дорогам фронтовым
Ходит русская «Катюша»,
Ходит шагом, скажем, боевым,
2. Подчистую немцев косит,
Подчистую немцев бьет,
И фамилии не спросит,
И поплакать, скажем, не дает.
3. Немцам главный штаб прикажет,
Чтобы шли они вперед,
А «Катюша» слово скажет —
Как метлою, скажем, подметет.
4. Налетит «Катюша» вихрем —
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»
На «Катюшу», скажем, награвить.
5. Но такие им гостинцы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Только, скажем, химия одна.
6. Говорят, и после смерти
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут, скажем, прятаться в подвал.

А. ТВАРДОВСКИЙ

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас...

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены.

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной:
Как-никак, цветной металл.

Шла зима, весна и лето,
Немец жить велел живым.

Шла война далеко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой,
На твоём курил крылечке
С непокрытой головой...

И кругом его порядки.
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей:
Уберегся ненароком,
Жить — живи, дышать — не смей...

Так-то жили дед да баба
Без часов своих давно.
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.

На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди, — срок немал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:

— Перегруппировка... —
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берег.
Словно думал подороже
Запросить с души живой.

— Дед, когда же?

— Дед, ну что же?

— Где ж он, дед, Буденный твой?..

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.

Отличал уже по слуху
Грохот русских батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу.
Дай еще. Добавь. Прогрей...

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар:
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар..

И уже казалось деду,
Сам хотел того иль нет,

Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
Предугадывал причину
И придумывал резон.

А когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену...

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
Ветки яблонь дождь стальной
Сек над головами.
Довелось под старость лет
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать часы приема.
Под накатом из жердей,
На мешке картошки
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой.

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой —
Все равно не надо.

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи.
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже...

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо...
— Ну, старик, не выйди нам
Из готовой ямы.—
Но старик встает, плюет
Потихоньку в руку,
За топор и — наперед,
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп.
И на шубу глухо
Осыпается окоп,
Обмерла старуха.

Все же вроде как жива.
— Наше место свято,—

Слышит русские слова:

— Жители, ребята...

— Детки родненькие! Детки! —
Уронил топорик дед...

— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца.
Командир у аппарата,
Хоть ты что — знаком с лица.

— Закурить? Крути, папаша.—

Дед садится, вытер лоб:

— Ну, ребята, счастье ваше,
Голос подали. А то б...

Командир, смеясь, кивает:

— Ничего, на том стоим.

На войне не то бывает,
А глядишь, и невредим...

— Точно так.— И тут бы деду
В самый раз что покурить,
В самый раз продлить беседу,—
Столько ждал — поговорить.

Но они спешат не в шутку,
И еще не снялся дым...

— Погоди, отец, минутку.
Дай сперва освободим...

Командир ему при этом
Подмигнул для красоты,

И его по всем приметам

Дед узнал:

— Так что же ты?

Друг-знакомец, мастер-ухарь,

С кем сидели у стола.

Погляди скорей, старуха,

Узнаешь его, орла?

Та, как глянула:

— Сыночек!

Голубочек! Вот уж гости!

Может, сала съешь кусочек,

Воевал, устал, небось.

Смотрит он, шутник тот самый:

— Закусить бы счел за честь,

Но ведь нету, бабка, сала?

— Да и нет, а все же есть...

— Значит, цел, орел, покуда?

— Ну, отец, не только цел:

Отступал солдат отсюда —

Наступает офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—

Дед кивает головой.—

Ну, а если... напоятный,

То опять как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне

Нерушим простой завет:

Ни в большом, ни в малом чине

Напоятный ходу нет...

Откажи мне в черствой корке,

Прогони тогда за дверь.

Это я, Василий Теркин,

Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю,— как получше,
На какой теперь манер:
Господин — сказать — поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед плевать, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склоняясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Все смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще,— просила,—
Закуси, поешь пока...

И спешил, а все ж отведал,
Угостился, как родной.
Табачку отсыпал деду
И простился.
— Связь, за мной!

И, уже пройдя немного,
Мастер — мастер был и тут,
Теркин, будто бы с порога,
Про часы спросил:
— Идут?
— Как не так.— И вновь причина
Бабке кинуться в слезу.

— Будет, бабка. Из Берлица
Двое новых привезу.

М. ИСАКОВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты знаешь, я думаю часто,
Когда прекратится война,
Сойду я на станции:

«Здравствуй,

Родная моя сторона!

Вот я и вернулся до дому,
Твой житель, твой старый знакомый,
Твой сын — черноморский матрос;
Он с южного, теплого моря
На север, в деревню Подворье,
И мир, и победу принес...»

Чтоб сердце остыло немного,
У станции я постою
И памятной с детства дорогой
Отправлюсь в деревню свою;
Пойду я родной стороною
В безоблачный утренний час,
И встанет она предо мною,
Какой представлялась не раз,
Какою мечталась и снилась,
Какой на войне не забылась —
Родная моя сторона!
В ней только одно изменилось, —
Что стала дороже она.
И, запахи поля вдыхая,
Мне радостно будет шагать,
Березы, с пригорков сбегая,
Мне ветками будут махать.
Пастуший рожок за оврагом
Взгрустнет и замрет в тишине.

На улице шумной ватагой
Мальчишки метнутся ко мне.
И будут дивиться в избытке:
— Смотри, с якорями... моряк!..
И выйдет сосед из калитки
И скажет: «Здорово, земляк!
С победой тебя и с возвратом,
С приходом в родные края!..»

А вот и отцовская хата —
Приют мой и кровля моя.
И вот я иду через сени,—
В сенях половицы скрипят,
И вот уж целуюсь со всеми
И всех обнимаю подряд.
И мать по плечу меня гладит,
Хлопочет, спешит угостить,
К столу приглашает и садит,
Не зная, куда посадить.
Седой, деловитый в движеньях,
Отец разливает вино:
— Ну, что же, сынок, с возвращеньем,
Пожалуй, не будет грешно...

В расспросах, в рассказах, в беседе
Пройдет незаметно полдня.
А там потянулись соседи
Послушать, взглянуть на меня.
И двери не знают покоя —
Идет и один, и другой, —
Как будто я чудо какое,
Как будто я праздник какой.

И радостно станет мне снова,
Что я хорошо воевал,

Что в час испытаний суровых
Сдержал краснофлотское слово —
Пошады врагам не давал;
Что эти поля и дубравы,
Деревни, поселки, сады
Сберег от смертельной расправы,
От лютой немецкой беды...

Я думаю часто об этом
Великом, торжественном дне,
И ясным, немеркнувшим светом
Он издали светится мне.
И бьюсь я бесстрашно с врагами,—
С немецкою черною тьмой,
Чтоб мне не с пустыми руками
В тот день возвратиться домой,
А чтобы с далекого моря
Со славой и честью пройти —
В родную деревню Подворье
Победу и мир принести!

Г. ФИШ

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

(Рассказ)

В день выхода в поход минер-разведчик Иван Минин после двух лет молчания получил письмо из дому. Вернее, оно было от сельсовета, потому что, как сообщалось в этом письме, самого дома уже не было. Немцы, отступая, сожгли деревню. Семьи тоже не было. Отец и мать убиты, старшая сестренка Наташа угнана в Германию на каторгу. И по дороге на эту каторгу, в той же колонне, в которой шла Наташа, умерла от истощения Ольга.

Ольга... Она провожала его на призывной пункт. Ночью шли они по пыльной дороге восемнадцать километров, и хотя с тех пор минули сотни военных дней и сотни ночей никогда не забудет он этой единственной ночи. Вот, кажется, и сейчас рука его чувствует теплоту ее родного жаркого плеча. Все эти дни, когда товарищи получали письма от родных, Иван ждал той блаженной минуты, когда и он сможет распечатать письмо и прочитать его вслух в землянке. И хотя он знал о том, что творят немцы на захваченной ими земле, он все же краешком сердца надеялся, что семью его минует печальная участь. И вот, наконец, в ясное апрельское утро пришло письмо.

Прочитав его, Иван Минин вдруг почувствовал себя невыразимо одиноким, и сердце его сжалось в тоске. И так все время, пока он с товарищами пробирался во вражеский тыл, пока минировал с ними дорогу, и даже, когда они подрывали две неприятельские мины, это чувство не оставляло его и щемило душу. Все во взводе — молоденький лейтенант Качалов, ефрейтор Репин, Цветаев, Ефимов — все знали про горе Ивана Минина. Но чем могли они помочь ему? И даже самый отзывчивый человек во взводе, автоматчик Петин, сказал у костра Репину:

— Такому горю одно только время может пособить.

Минин слышал этот разговор и, не согласившись со словами Петина, все же подумал о том, какие хорошие люди служат во взводе. Даже забравшись далеко в неприятельский тыл, среди ежечасных опасностей, он не чувствовал себя одиноким. «Но эта дружба боевая, — думал он. — Это фронтовое нерушимое мужское товарищество». А как только наступит мир, все разъедутся по домам, и тогда он никому не будет нужен и дорог: все займутся своими делами. А что он?.. И при этой мысли его снова охватывало чувство грядущего одиночества. В эти горькие минуты ему иногда казалось, что, может быть, лучше умереть сейчас, в бою, когда он окружен товарищами.

Через неделю похода, когда, выполнив все, что они должны были выполнить, небритые и усталые, разведчики уже хотели идти обратно, они повстречались с большим немецким отрядом. Сразу оторваться от врага не удалось. И тогда лейтенант Качалов позвал к себе Минина.

— Самое главное — доставить командованию эти документы, — он протянул Минину снятую с немецкого офицера полевую сумку и вложил туда еще свою записку. — Мы здесь будем вести бой, прикроем тебя, а ты пробираться. — И видя, что Минин хочет ему что-то сказать, лейтенант добавил: — Это будет самая злая месть немцам, которую ты сейчас можешь сотворить. А пострелять всегда успеешь. Исполняй.

И Минин пошел. Он решил идти напрямик. Для этого нужно было сразу же обогнуть озеро. За озером на много километров простиралось скалистое и безлесное плато, а потом до самой линии фронта шли бескрайние северные леса.

Товарищи вели бой, двигаясь постепенно к югу, отвлекая на себя внимание фашистов. Минин же уходил прямо на восток, но уйти незамеченным ему не удалось. Когда он уже почти обогнул озеро, немцы заметили его, и шестеро из них бросились в погоню. Немцы не стреляли. Очевидно, у них было задание взять его живым. Впрочем, на расстоянии километра с ходу из автоматов попасть было не так-то легко.

— Ладно, ладно, догоняйте, — усмехнулся Минин, оглядываясь через плечо, и, поправив у пояса трофейную сумку, быстро пошел на восток.

Враги не отставали.

«Чорт знает что, — подумал Иван, — пожалуй, откроют еще стрельбу, и тогда сумка может не попасть к командиру. Нет, лучше я покончу с ними».

И он, найдя удобное место, залег. Он примостился у высокой гранитной скалы с нависающим выступом. Перед

ним было беспорядочно нагромождено несколько небольших валунов.

Когда минут через двадцать немцы приблизились к скале, они замедлили ход и пошли, внимательно и тревожно озираясь вокруг. Вот они уже в полутораэта метрах.

Минин нажал курок. Автомат забился у него в руках, как живой.

Двое немцев, один за другим, рухнули и недвижно распластались на земле; остальные быстро залегли вокруг и открыли ответную долгую и нервную стрельбу. Немцы не могли сразу разобрать, откуда стрелял Минин. А он лежал, не отвечая, и пули, ударяясь о скалу и валуны, шмякались на землю совсем близко от него. Потом немцы замолчали, но, переползая от камня к камню, они продолжали приближаться к скале. Один подполз к валуну метрах в сорока от скалы. Тогда Минин приподнялся и швырнул «лимонку». Теперь в живых остались только три немца.

Длинный весенний день подходил к концу. Немцы решили приблизить развязку. Уйти теперь они не могли, и ждать тоже было для них невыносимо. Они подползли поближе и стали швырять гранаты. Но гранаты, ударяясь о выступ скалы, нависшей над Мининым, отскакивали обратно и рвались за валуном. Место было выбрано понастоящему. Вскоре гранаты у немцев кончились. Минин лежал тихо, не шевелясь, чтобы не выдать себя. Через четверть часа такого молчания немцы, решив, что враг уничтожен, встали и подошли к валуну, за которым таился Минин. А еще через несколько минут Минин уже снял с трюпов документы и вложил их в трофейную сумку.

На другой день Минин был в батальоне.

* * *

Сдав трофейную сумку, рассказав все, что нужно было командиру, и плотно заправившись в кухне, Минин пошел

спать. У землянки он вспомнил: «Вот здесь дали мне в руки письмо из сельсовета, здесь я его прочитал». И снова к сердцу его подступила тоска.

— А вот и сам товарищ Минин,—сказал парторг, увидев вошедшего в землянку разведчика.

В землянке было оченьлюдно. Сюда набились бойцы из соседних взводов. На стенках висели те же вырезанные из газет фотографии, что и в день выхода в операцию. Попрежнему из большой жестянки, прибитой к бревенчатой стене, через игольчатое отверстие медленно, по каплям, сочилась вода в подставленную кружку — окопные часы. Время было выверено по каплям. Все было по-старому, заведенному, и только присутствие женщины, да еще в штатском платье, сидевшей у столика, было непривычным и странным.

— Это и есть Минин, — еще раз повторил парторг и, обращаясь к Ивану, сказал: — А это товарищ Саша из колхоза «Первое мая», из далекой Хакассии.

«Где это Хакассия такая и почему он меня так торжественно знакомит?» — подумал Минин, протянув молодой женщине руку, и, смутившись, сказал:

— Здравствуйте, товарищ.

Женщина поздоровалась и даже крепко поцеловала его, а все вокруг захолопали. Затем она сунула в руку Минину какую-то книжечку.

— Это вам колхозная книжка. — Голос у нее был звонкий, высокий. — Вы теперь член нашего колхоза. Мы приняли тебя на общем собрании. Мы тебе избу новую отстраиваем. Наш колхоз четверых принял, — и тут она смутилась и немного запнулась.

«Какой у нее голос хороший: наверное, задушевно песни поет», — подумал Минин и перевел дыхание, как будто он сам произнес большую речь.

— А ежели, — продолжала женщина, — которого из вас на фронте ранят, пусть не смущается, мы ему будем

средний заработок колхозника выплачивать. Так решили. Воздух у нас привольный, пусть живет вволю и видит, что не напрасно за нас в болотах мокнул, на холодном ветру мерз, кровь свою проливал. И соседние колхозы так решили. Мы вас домой ждем.

И снова все захлопали в ладоши. А Минин стоял растерянный посреди землянки, держал в руках маленькую книжечку, и сердце его сильно билось: он чувствовал сейчас за собой всю великую и справедливую родину, весь народ. Теперь он знал, что его ждут в далеком, еще не знакомом, но уже родном колхозе, и ему сразу хотелось и петь и плакать. Нет, и здесь, в бревенчатой сырой землянке на краю света, он не одинок.

— Я бы здесь еще с удовольствием побыл, да только уж чашка до краев полна — на пост итти надо, — сказал парторг.

Медленно падающие капли заполняли кружку точно за два часа. Парторг ушел довольный: значит, не напрасно составлял он список бойцов, родные которых погибли в оккупированных местах, значит, не зря отправлял этот список в далекий Краснодарский край.

Распахнув на мгновение дверь, он вышел из землянки и увидел ночное синее небо с сияющей полной луной, на которую набегали быстрые белесые облака.

С. ШИПАЧЕВ

ЛЕЙТЕНАНТ

Лежит в кармане назначение
Туда, где не смолкает бой.
Он дверь училища с волнением
Закрыв сегодня за собой.

Похрустывает портупея,
Заправленная под погон.
Довольный, но, чуть-чуть робея,
В гвардейский полк приедет он.

Он должен быть отцом солдату,
Но, может статься, тот солдат
Давно женатый и усатый,
А он безус и не женат.

Несладко, знает он, в пехоте:
И дождь сечет, и зной палит,
И гимнастерку на походе
Он солью тела просолит.

Но хоть он виду не покажет,
Ему приятно, например,
Подумать вдруг, что люди скажут:
— Прошел пехотный офицер.

Он примет взвод, а может, роту.
Он не гостить приедет в полк:
Он с ним пройдет огонь и воду,
Износит много пар сапог.

Где вел в атаку, где был ранен
И города какие брал,
Потом рассказывать он станет,
Уж поседевший генерал.

В. КОЖЕВНИКОВ

ДАРЬЯ ГУРКО

В августе месяце 1941 года староста дознался: Дарья Гурко прячет в подполье кабанчика. Староста приказал сдать на следующий день утром кабанчика немцам.

У Дарьи семья такая: мужа немцы расстреляли сразу, как пришли, за то, что Сергей Осипович зажег под деревянным железнодорожным мостом воз собственного еще не обмолоченного хлеба, и от этого мост загорелся; старика-отца немцы застрелили просто так; остались живыми свекровь-старуха и дочка Ольга трех лет.

Кабанчик был в теле, пуда на четыре. Дарья зарезала кабанчика, но семья маленькая, а кабана нужно было съесть сразу. Дарья пригласила гостей. Гости пришли и стали есть кабана. Потом нивесть откуда явился староста. Его тоже пригласили есть кабана. Староста без вина не мог принимать пищу. Дарья отдала свекрови крепдешиновую кофту и послала ее за самогоном. Староста ел, пил и записывал названия песен, которые пели гости. Многие песни стали запрещенными. На следующий день староста пришел и потребовал кабана. Дарью отвели в полицию вместе со свекровью и дочкой. В полиции Дарью били деревянной лопатой, которой веют хлеб. Потом ее, свекровь и дочку погнали в город Логойск в гестапо. В гестапо Дарью били резиновыми ремнями. Из Логойска погнали в минскую тюрьму. Свекровь умерла в Логойске. Она не выдержала резиновых ремней. А Дарья все стерпела. Она шла по пыльной дороге, несла на руках дочь и шаталась. На окраине Минска к ней подбежала какая-то женщина, вырвала из рук дочь и крикнула: «Я сохранию, не сомневайся».

У Дарьи вся одежда прилипла к телу, на котором не было кожи, потому что кожу содрали немцы резиновыми

ремнями, и Дарья думала, что она все равно умрет на дороге, и отдала дочь. В Минске Дарью посадили за ограду из колючей проволоки. Здесь было столько людей, что даже лечь негде. Потом люди стали умирать, и стало свободнее. Ела Дарья картошку, которую немцы выставляли в деревянном корыте; корыто было одно на всех. Опухшие ноги Дарьи стали лопаться на подошвах, и она не могла ходить и к этому корыту подползала на четвереньках. Осенью тех, кто остался в живых, послали заготавливать торф. Люди были такие слабые, что тонули в ямах, откуда брали торф. На зиму заключенных перегнали в лес — заготавливать дрова. В лесу многие замерзли насмерть. Весной Дарью отправили на кожевенный завод. Здесь она в бадьях мыла кишки, которые немцы тоже, как и всё, увозили к себе. На заводе Дарья заболела заражением крови. Когда она вся была как в огне, ее все-таки заставляли работать. Немец-мастер бил пружиной, которая, растягиваясь при взмахе, доставала человека, если он стоял в трех шагах от мастера. Дарья не умерла.

Прошло два года. Заключенные работали у немецкого помещика, которому были отданы усадьба и прилежащие земли, где раньше помещался дом отдыха трудящихся Минска. Днем заключенные работали, ночью их сгоняли в концлагерь на песчаном карьере. От усадьбы до карьера четырнадцать километров. Дарья сплела как-то ивовую корзину. Эту корзину увидела кухарка помещика, немка, и велела Дарье сплести такую же корзину, но только побольше. Дарья сплела корзину. Немец-часовой знал о заказе и разрешил Дарье отнести корзину кухарке. Дарья вошла в комнату кухарки с корзиной и увидела, что она спит. Тогда Дарья поставила корзину на пол, задушила кухарку, а сама бежала.

Сорок человек из концлагеря немцы расстреляли. Дарью поймали в Минске, где она собирала милостыню, притво-

ряясь глухонемой. Теперь она очень хотела жить, хотя раньше все время хотела повеситься и два раза топилась в торфяной яме, но оба раза ее спасали. В ночь перед приходом в Минск Красной Армии заключенные в районе военного городка разбежались, и немцы не успели убить их. Вместе со всеми убежала и Дарья Гурко.

В сожженной немцами деревне Михеды, километрах в сорока пяти от Минска, мы встретили Дарью Гурко.

На опаленной земле, у развалин печей сидели люди. И не было слез у них на глазах. С животворящей деловитостью они складывали шалаши из досок, с великим упорством обживая родимую и разоренную землю. И в тишине белых сумерек громко и властно звучал женский голос:

— Ребят общим котлом кормить надо. Мы от сухомятки не обезживотим, а детишек в заморе держать никак не позволю. У кого что есть — выкладывай.

Потом тот же голос мы слышали на дороге, где саперы выискивали мины:

— Если вам, ребята, недосуг по хлебам пройтись, так вы укажите, как мины вытаскивать, а я бабам объясню, мы и сами справимся, а то немец хлеба заминировал и нам к ним ходу нет.

Потом мы слышали песню у костра. Ее пел все тот же женский голос. Когда подошли к костру, мы увидели женщину, худую, с темным, глиняного цвета лицом, в заплатанном, изношенном до-нельзя рубище, но когда она взглянула на нас, мы увидели глаза ее. И столько в них было чего-то необыкновенного, какого-то особенного, сильного внутреннего света — выражения ума, власти и воли к жизни, — что невольно слова любопытства застряли в горле. Но она, словно угадывая наши мысли, спросила насмешливо:

— Что, товарищи командиры, небось, дивитесь? Пришла баба из немецкой тюрьмы, вместо дома — уголья, а она песни поет?

И вдруг лицо Гурко изменилось, еще больше потемнело, и она глухо произнесла:

— Я при немцах не плакала, не жаловалась. Но, что за эти три года было, век помнить буду. Только вы мне объясните: с чего бы лучше сразу начать, чтобы все аккуратно получилось? Я тут сейчас вроде советской власти. Меня, как самую закаленную, другие семейства над собой поставили. Уборка будет — большая забота. Инвентарю — раз, два: грабли и лопата. Нужно итти в лес немецкую трофею искать.

— Вы бы сейчас как-нибудь устраивались, ведь нельзя в земляной яме жить.

— Почему нельзя? — удивилась Гурко. — Можно. Вы еще не знаете, как жить можно. Мне главное сейчас вот... это спасибо для вас сделать, которое земля сготовила. На словах-то каждый привет и здрасте, а мне руками доказать необходимо. Хоть битая, да не согнутая. Мне охота советской власти не в прекрасной жизни, а сейчас трудом отплатить. А то, выходит, вы освободители, а мы кто?

— Гордая вы.

— Мне война гордости прибавила. И, может, я сейчас на нищенку похожа, но я не несчастная. Я свою силу теперь сполна знаю: чего могу и чего не могу. Вы того не знаете, чего теперь баба от счастья своего сделать сможет. Я теперь в самой своей силе. И знаю, как словом в человеческое сердце попасть и чего хочешь с ним после этого сделать.

Мы спросили у Гурко, в чем она сейчас нуждается. Она сказала:

— Сейчас в лесу немецких коней раненых нашли. Так я думаю паренька в часть за мазью послать, или, может, сами отваром из побегушки выходим. Вам, видать, мазь самим нужна.

И, только прощаясь с нами, Гурко шопотом попросила:

— Дайте, пожалуйста, мне такую книжку, где бы описано все было, что делали советские люди за это время, как они такую силу набрали, а то у меня спрашивают, а рассказать не могу, не знаю, и от этого совестно, неловко перед людьми, которые меня так уважают и даже избрали председательницей. Так, пожалуйста, если с собой не имеется, пришлите. Может, у нас почта не будет работать, так я в Минск пешком схожу. Книга эта нам больше, чем хлеб, сейчас нужна. Вот как нужна эта книга.

* * *

Через полтора месяца снова ночью мне пришлось проезжать по этим же самым местам. Воздух крепко пропитался запахом влажной травы, и казалось, что этот запах исходит от прохладного синего неба, покрытого звездами.

Приближаясь к знакомому пепелищу, я вдруг увидел силуэты каких-то построек. Раньше здесь ничего не было.

Вынырнувший из темноты старик-сторож с немецким карабином в руках с достоинством объяснил мне, что постройки возведены недавно.

— Кто же плотничал?

— А бабы, — сказал сторож, — из города Ярцево к нам приехали, плотничья бригада. Курсы кончили, теперь ездят, строят. А вот колодец трехсаженный лично Дарья Михайловна в порядок приводили. На веревке спустились.

— Это кто, Гурко, Дарья Михайловна?

— Они самые, — почтительно сказал сторож, — вы, извиняюсь, кушать не желаете? А то вполне свободно. Зерно теперь не в ступке толчем. Дарья Михайловна мельницу наладили.

— А где она сейчас?

— На большую дорогу поехала. Тут из неволи немецкой люди освобожденные домой идут — смоленские, вся-

кие — одним словом, русские люди. Так она их к нам приглашает.

— И остаются?

— Нет. Каждого на свое место тянет. Но заходят — на неделю, на две. И не столько из-за харчей, сколько от нетерпения к земле склониться, потрудиться, приласкать, прибрать ее. Очень восхищенно человек сейчас работает! — Старик закурил, пряча огонек спички в ладони. Потом вдруг оживленно спросил меня: — А вот знаете, что потом будет? Пойдет Красная Армия после германской земли обратно, ступит снова на свою землю, которую она для нас добывала, не узнают ее бойцы, удивятся. Потому удивятся, что мы ее приберем к этому дню, как к празднику, и будет она снова живая, пышная. Вот тут нам и скажут бойцы: «Привет!» А мы столы на улице выставим и полную норму угощения.

Старик замолчал, помедлил, потом тихо пояснил:

— Это Дарья Михайловна такое придумала. — И с волнением в голосе добавил: — Вот ведь как красиво придумала.

КАК УЗНАЛА Я, МОЛОДКА, ПРО ВОЙНУ

Слова М. ЛЕВАШОВА

Музыка М. ИОРДАНСКОГО

Оживленно

Ф.п.

Соло
mf

1 Как у - зна - ла я, мо - лод - ка, про вой -

mf *pp*

Хор *Соло*

ну, про вой - ну, я *к* Ва - ню - ше по - бе

Хор *Соло*

жа. ла сво-е - му, сво-е - му. Серд-це боль-но так и

The first system of the musical score consists of a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line begins with a treble clef and a key signature of one flat. The piano accompaniment starts with a bass clef and a key signature of one flat. The lyrics are written below the vocal line.

Хор

ек-ну-ловгрудн ви-жу взвод и-дет, а Ва-ня впе-ре-

The second system continues the musical score with a vocal line and piano accompaniment. The vocal line has a treble clef and a key signature of one flat. The piano accompaniment has a bass clef and a key signature of one flat. The lyrics are written below the vocal line.

-ди Да!

The third system concludes the musical score. It features a vocal line with a treble clef and a key signature of one flat, and a piano accompaniment with a bass clef and a key signature of one flat. The lyrics are written below the vocal line.

Как узнала я, молодка, про войну,
Я к Ванюше побежала своему.
Сердце больно так и ёкнуло в груди —
Вижу взвод идет, а Ваня впереди.

Я Ванюшу дорогого обняла,
Фотографию на память отдала —
Мы, когда еще не чуяли беду,
С ним снимались под яблонькой в саду.

Редко Ваня про свои писал дела,
Долго, долго Ваню милого ждала.
Написал он про успехи на фронтах,
Заиграло все тогда в моих руках.

Я работала, старалась, как могла,
А однажды, как домой с работы шла,
Вижу гвардии идет удалий взвод,
И его Ванюша-сокол мой ведет.

Орден Славы на груди его горит.
Он мне «Здравствуй, моя радость! — говорит. —
Нам теперь уже недолго воевать,
Скоро, скоро возвращусь к тебе опять».

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

Бойцу от матери пришло
Письмо издалека,
И сразу сделалось тепло
На сердце моряка.

Покрыла маленький листок
Каракулями мать,
Но лучше этих крупных строк
На свете не сыскать.

«Смотри, сынок, не простудись
И ног не отморожь,
А то морозы начались
И холодно, небось.

Хоть ты герой, в отца ты весь,
А все ж, сынок, смотри:
Без толку зря в огонь не лезь, —
Ты хитростью бери.

Мой кашель перестал давно
И бок не стал колоть...
Не веришь ты — ну, все равно,
Храни тебя господь».

Никто не может так писать —
Ни сестры, ни жена,
Никто не любит нас, как мать, —
Ведь мать у нас одна.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ОТЕЦ И СЫН

Эту сценку у причала
Мне увидеть довелось...
К молодому адмиралу
Подошел седой матрос.

Козырнул по-русски лихо,
С доброй хваткою морской,
А потом промолвил тихо:
— Здравствуй, Коля, дорогой...

Как живешь, сынок? Признаться,
Не видал тебя давно.
Говорят, ты двух германцев
Проводить успел на дно?

Я, хотя и не по чину,
Но, однако, как отец,
Заявляю: «Молодчина.
То есть просто — молодец».

Адмирал широкоплечий
Крепко обнял старшину:
— Батька? Ты? Какая встреча!
Вот так встреча. Ну и ну!

Как здоровье? — Все в порядке...
— Вы, отцы, все молодцы.
А вот я от лихорадки
Чуть, брат, не отдал концы.

— Что ты? — Право, еле вынес...
Ты с конвоем? — Точно, с ним.
— Приходи-ка на эсминец,
Посидим, поговорим.

Тут старик меня заметил,
Честь по-флотски «оторвал»
И торжественно ответил:
— Есть, товарищ адмирал.

И пошел, не дрогнув бровью.
Будто с сыном не знаком...
Я видал, с какой любовью
Сын следил за стариком.

А. СУРКОВ

РАЗГОВОР

— Что глядишь невесело,
Голову повесила?
Отчего и почему
Тяжко сердцу твоему?

Отвечала тихая:
— Жду большого лиха я.
На войне мой сокол-свет.
Пятый месяц писем нет.

Заскрипела лестница,
Старая кудесница.
— Получай-ка от дружка
Восемь писем из полка!

Что поешь, соловушка,
Русая головушка?
Отчего и почему
Радость сердцу твоему?

Отвечала ясная:
— Плакала напрасно я.
Жив-здоров мой сокол-свет.
Бьет фашистов. Шлет привет.

Г. РЫКЛИН

ПЕРЕПОЛОХ В БЕРЕЗОВКЕ

Вот уже долгое время, как он молчал.

Будем более точны и скажем: за последние шесть месяцев он не проронил ни одного слова. Сами понимаете, что это очень странное и нелепое поведение.

Сначала в Березовке все удивились его внезапной немоте, пробовали всякие средства и уговоры, даже щелкали его по макушке. Он не обращал на это никакого внимания и продолжала хранить гордое молчание. Бабка Агафья, сторожиха при сельсовете, даже перестала смотреть в его сторону. Но, бесчувственный, он и к этому отнесся равнодушно.

Березовцы безнадежно махнули на него рукой, и вскоре многие привыкли к тому, что, еще недавно такой разговорчивый и общительный, он всецело ушел в себя, замкнулся, притих.

И уже начало казаться, что так оно и должно быть, что так у него на роду написано.

А между тем березовцам страстно хотелось послушать его. Было ему о чем потолковать с односельчанами. С одной стороны — Нормандия, с другой стороны — Белоруссия. Тут тебе Витебск, тут тебе Шербург. Как метко выразился по этому поводу колхозный конюх Касьян: «Бьют Гитлера и в хвост и в гриву».

Люди каждый день ждали новостей. Приходили в сельсовет, где он, всезнающий и всеведающий, бездельничал. Легче было вынудить колхозного бычка Кузьку плясать польку-птичку, чем заставить нашего героя произнести хоть одно слово. Крутлый, посревший, весь в пыли и паутине, он угрюмо молчал, даже не пытаясь реагировать на текущий момент и международную обстановку.

Вы, конечно, уже догадались, что этот упорный молчальник совсем не похож на человека. Это — репродуктор.

Человеку иногда и помолчать не лишне. Но радиорепродуктору сие непростительно. Висит этот «великий немой» на почетном месте в сельсовете — и ни слова, о друг мой, ни вздоха... Ну, не обидно ли?

Но как-то раз — на прошлой неделе — он нарушил обет молчания. Вдруг ни с того, ни с сего захрипел, зашипел и выдал из себя малую толику слов:

— За отличное... наградить... Гудова... орденом...

И опять молчание. Через минуту протяжно икнул и осипшим голосом, как будто после горячего чая хватил кружку холодного пива, добавил:

— Березовка... может... гордиться...

Помолчав еще немного, репродуктор произнес очень отчетливо:

— В том же исполнении «Поцелуй меня»...

Но поцелуя не последовало. Видимо, время этого не-словоохотливого оратора истекло. Репродуктор застенчиво кашлянул и опять замер.

Присутствовали при сем значительном выступлении уже знакомая нам бабка Агафья и конюх Касьян. Больше никого в помещении не было.

Но достаточно было одной бабки Агафьи, дай ей бог здоровья. Если б эта расторопная старушка жила не в век радио и телеграфа, ей бы цены не было. Как только Агафья узнает что-нибудь, она не может успокоиться, пока не растрезвонит новость по всему свету.

Откуда только силы брались у нее на такое дело. Она в те часы забывала и «ревматизм в голове» и «мигрень в ногах», как она, слегка путая, называла свои давнишние болезни.

Агафья с деловым видом бегала от избы к избе и облегчала свою душу рассказом о слышанном, причем новость теряла свою первоначальную окраску и начинала сверкать всеми цветами радуги.

Но в Березовке всего-навсего сто тридцать дворов. Сами

понимаете, что в таком ограниченном кругу тесно Агафье, здесь негде развернуться. Ей бы работать в более широких масштабах, чтоб каждая ее новость распространялась от Березовки хотя бы до Рио-де-Жанейро или Сан-Франциско.

Да и новостями Березовка не так уж богата. Но Агафья с честью выходит из этого затруднительного положения. За неимением сенсаций она рассказывает свои собственные сны. Верить ей не верят, но слушают с интересом.

Сны у нее всяких сортов — научно-популярные (быт и нравы чертей), видовые (о том, как председателю за бесхозяйственность поставили на вид), кооперативные (всякие столкновения с продавцом Тихоном), художественные (утро, поют петухи, высокое дерево, на суку висит Гитлер).

Пробовала она рассказывать и комедийные сны, но с этим жанром справлялась слабо.

Представьте себе, как воодушевилась бабка, когда немой репродуктор обрел на минуту дар речи и огласил такое замечательное сообщение. Агафья, не сходя с места, помолодела лет на сорок и сразу понеслась по селу; казалось, что она превратилась в мотоциклетку, которая, пыхтя и тараторя, летит, вздымая пыль столбом.

Не прошло и получаса, как вся Березовка от мала до велика знала о том, что их земляка Гудова правительство наградило высокой наградой.

Правда, это не было в диковину для Березовки. Уже человек десять односельчан получили на фронте ордена и медали. Но всякий раз село взволнованно встречало такое известие, и старики важно говорили:

— Нам опять вышло награждение.

Агафья никого не обидела: она забежала ко всем Гудовым, у кого на фронте был сын или муж. Каждому в отдельности рассказала новость про награду:

— Вот и Касьян свидетель, не даст соврать...

Но, как истый художник слова, она чуточку приукрашала событие цветами своей неуемной фантазии.

У нее был индивидуальный подход к слушателям — в зависимости от того рода оружия, к которому принадлежал Гудов, находящийся на фронте.

Семену Гудову она рассказывала:

— И вот, значит, вылетает он на танке прямо на немецкую кумуникацию... За это и наградили. Не иначе, как твоей Егорка.

Степаниде Гудовой был поднесен другой вариант:

— Ей-ей, это твой Алешка. Отчаянный такой. Верхом на коне с острой саблей и прямо на немецкую кумуникацию...

И в заключение добавляла:

— А уж потом в самом конце кто-то скомандовал: «Почелуй меня»... Кто это — генерал или полковник — не разобрала. А врать я не люблю...

Словом, в Березовке начался переполох.

Дело в том, что в селе проживает целых сорок семь Гудовых. Есть еще сорок восьмой, но это не Гудов, а Перегудов.

Матвей Перегудов, бригадир животноводческой фермы, очень гордился своей огромной лохматой бородой и приставкой «пере» к своей фамилии.

— Аз есмь, — шутил он, — Перегудов и как таковой являюсь передовым человеком и могу любого хоть перегулять, хоть в работе переплюнуть.

Был бородач бездетен и к тому же не Гудов, а Перегудов, а посему вся история с награждением кого-то из березовских Гудовых лично его мало касалась.

Но промежду Гудовых шел гул. Кого же наградили? Какой семье выпала такая высокая честь?

Волновались Гудовы — сорок семь семей. Хорошели от волнения и двенадцать березовских девиц, в чьих паспортах значились пока другие фамилии, но девушки — не бу-

дем скрыдничать — считали это временным явлением и лелеяли прочную надежду стать Гудовыми.

Как назло вот уж второй день почта не приходит в село. Может, в газетах уже и указ объявлен. А до города сорок километров. А дни сейчас такие, что в город не поедешь: полевые работы в самом разгаре.

Но на третий день березовского переполоха прискакал из города запыхавшийся нарочный с категорическим требованием от начальства немедленно ехать в город, в земотдел, бригадиру М. К. Перегудову.

Матвей тотчас же начал собираться в город. Бабка Агафья своевременно узнала об этом и тотчас же приняла свои меры.

Короче говоря, Матвей и ахнуть не успел, как на него наехал отряд Гудовых, усиленный вышеупомянутой дюжиной красных девиц:

— Непременно, Матвей Карпыч, газеты привезите...

Вернулся Матвей Карпыч назавтра утром. Все были поражены видом Перегудова. Его трудно было узнать. Такого зрелища даже местные старожилы не припомнят: знаменитой, прославленной бороды не было и в помине.

— Куда девал бороду? — спросил его сосед Кузьма.

— Шесть целковых с одеколоном — вот и вся штука, — ответил Матвей Карпыч.

Он молча отдал пачку газет односельчанам и, чем-то взволнованный и смущенный, пошел к себе во двор.

Развернули березовцы газеты и прочли то, чего не досказал косноязычный репродуктор.

Прочли они о том, что за отличную работу в колхозе в дни Великой отечественной войны орденом Трудового Красного Знамени награждается бригадир Матвей Карпович Перегудов...

Крепко поздравляли в тот день односельчане нового орденоносца. Кто-то опять спросил его насчет бороды.

— Это мне опытные люди в городе посоветовали, —

сказал Матвей Карпыч.— Скинь, говорят, бороду. Освободись от этого ига. А то из-за волос ордена на груди не будет видно. Я и подумал: какое же я имею полное право скрывать правительственную награду?..

Успокоилась Березовка. И старики, глядя с достоинством на божий мир, вновь говорили:

— Нам опять вышло награждение.

С. ЩИПАЧЕВ

СПОР

Овес, пшеница и ячмень
Заспорили в июльский день.

Нахохлил перышки овес:
«Кто на войне из нас важней?
При солнце и при свете звезд
Мне горячить в бою коней.
Бойцов спросите — скажут все,
Что сила конская в овсе».

Твердит пшеница: «Кто не слеп,
Тот знает — я права вдвойне:
Бывает так, что в сумке хлеб
Всего важнее на войне».

Качает головой ячмень:
«А чем же, кончив воевать,
Победу будут запивать?
Не обойтись без ячменя:
Чтоб веселее был тот день,
Наварят пива из меня».

СЛУЧАИ НА ДОРОГЕ

Вы, конечно, можете мне и не поверить. Это дело ваше. Но я вам расскажу все, как было. Я, может быть, и не стал бы у вас время отнимать, но, как я лично думаю, данная история может иметь свой интерес, тем более, что она произошла как факт.

Сам я — младший сержант. Звать меня Глушков Федор. Но вы, конечно, можете называть меня Федя, поскольку вы все же постарше.

Если разрешите, я расскажу вам эту всю историю с самого начала.

Было это дело в августе. Мы, как вы знаете, по Румынии шли, немцев оттуда вышибали. Давали им там чесу... Ну, положение у них было, прямо скажу, как наш старшина говорит: «Не дыши, не кашляй».

Да. Ну, числа-то уж я не помню, в общем идем мы по дороге. Кругом в кюветах, конечно, немцы. Лежат и, как говорится, в военных действиях участия не принимают по уважительной причине. Потому что, значит, им уже... капут.

Да. Ну, выходим к мосту. Смотрим, на мосту две машины стоят немецкие с боеприпасами и горят. Боеприпасы, конечно, рвутся. Нам что делать? Мы, конечно, идем в обход к броду. Наши переправляются по порядку. Ну, мы ждем своей очереди. Стоим. Смотрим, кругом немецкая техника брошенная. Пушки, машины штабные, черные такие, тупорылые. Опять же эти автоцистерны с горючим. Ну, тут, ясно, шофера стали бензином заправляться, поскольку бензин трофейный. Мы тоже закурили ихние сигаретки немецкие. Но это, я вам скажу, лам. Как наш старшина говорит: «Полынь-трава в оригинальной упаковке».

Да. Курим мы, значит, это, вдруг откуда-то сбоку высокий такой голос. Одним словом, крик по-немецки. Беру я, конечно, автомат и к машине, откуда голос слышен. Ребята тоже со мной. Подходим поближе. Вдруг опять же слышим этот крик не по-нашему. Слова чужие, и только я одно слово разбираю: «Русланд», что в переводе с немецкого, безусловно, означает Россия.

Тут мы с бойцами, конечно, засмеялись, поскольку слышим, что немец вроде зашился, если думает, что он еще в России находится.

Да. Окружили мы эту машину, а боец один побежал переводчицу звать. У нас есть такая Соня, старший сержант, в дивизионной газете работает.

Убежал, значит, боец за Соней, а из машины снова крик идет. Опять все неразборчиво, только одно слово слышим: «Москау», что в переводе с немецкого языка, безусловно, означает — столица нашей родины Москва.

Тут все бойцы, конечно, заинтересовались: почему именно немец на таком удалении Москву вспоминает? Стоим мы, размышляем, а тут и Соня приходит.

Я, конечно, говорю: «Товарищ старший сержант, обратите внимание, в этой машине немец притаился и слова произносит».

Соня поближе подходит. Один боец наш, фамилия неважно, вдруг говорит: «Давай, говорит, сержант, дадим по машине из автомата».

Я говорю: «Тихо. Отставить. Ты почему знаешь, кто в этой машине сидит? А может, тут сам Геббельс лично сидит и воззвания выкрикивает. Может, мы сейчас министра в плен возьмем. Тебе ясно? Нет?..»

Тут Соня говорит: «Тише, пожалуйста».

Мы стоим, не дышим. Вдруг из машины опять крик на немецком языке и опять тихо.

Мы на Соню смотрим. Она плечами пожимает и гово-

рит: «Ну-ка, товарищи, посмотрите, там на крыше красного креста нету?»

Мы смотрим — нет креста.

«А почему, — спрашиваю, — вы такой вопрос задаете?..»

А Соня говорит: «Это, вероятно, санитарная машина. Потому что, говорит, слова, что этот немец выкрикивает, свидетельствуют о том, что он ненормальный, или, научно говоря, психически больной».

Тут мы друг на друга глянули, а один наш боец, фамилия неважно, вдруг говорит: «Братцы, раз тут псих, то возможная вещь, тут сам Гитлер сидит...»

Тут я, конечно, все разговоры прекращаю, поскольку факт становится, безусловно, загадочным и научным. Я говорю: «Давайте откроем машину». Только я подхожу, вдруг он из машины как заорет по-своему... Я говорю: «Товарищ старший сержант, вы переведите, чего он кричит».

Тут Соня плечами пожимает и говорит: «Я ничего не понимаю. Вы знаете, что он кричит? «Через неделю Москва», «Россия будет наша...»

Тут, конечно, все засмеялись, а я говорю: «Давайте, ребята, поглядим, это не иначе санитарная машина». Подхожу я с автоматом — раз за дверцу, и открыл. Кричу: «Давай! Хенде хох! Вылазь, немецкий псих...»

Стою я с автоматом, а в машине полная тишина. Смотрю — там узлы, чемоданы до самой крыши. Я опять кричу: «Вылазь, ненормальный немец!..» Вдруг он из машины как захохочет...

Тут я назад подался. Честное слово, даже страх прошиб. Если бы он оттуда из автомата, я бы не так испугался.

Ну, тут ребята говорят: «Все ясно, псих».

А Соня говорит: «Конечно. Нервная травма в связи с отступлением».

Я говорю: «Ну, ладно. Все. Давай, ребята, выбрасы-

вай чемоданы». Стали мы из машины барахло выбрасывать, а немец, нам не видный, разоряется, кричит на своем сумасшедшем языке. Он кричит, а Соня переводит:

«Полное окружение. Мы окружены. Дай крупы...»

Тут я в машину говорю: «Насчет окружения вы сказали точно, хотя и псих. А про крупу это у вас ненормальность».

Да. Выбрасываем мы последний узел здоровый и вдруг — все назад...

И что же мы видим? Мы видим: из самого угла машины смотрит на нас своими круглыми глазами большой, исключительно красивый трофейный попугай.

Тут, конечно, народ дал смеху. Мы попугая на свет вытащили. Он в клетке сидит, перья расправляет, чего-то такое квохчет и вдруг как заорет.

Мы говорим: «Товарищ старший сержант Соня, переведите, пожалуйста, о чем он высказывается».

А Соня смеется, слезы с глаз вытирает и говорит: «Я, говорит, капитанов переводила, майоров, даже полковника одного, а попугая, говорит, в первый раз за всю войну перевожу».

А я говорю: «Товарищ старший сержант, прекратите на время смех. Это ж интересный факт. Это ж, говорю, игра природы. Примитивная птица, и вдруг, понимаешь, высказывается по военным и международным вопросам».

Соня продолжает свой смех, а попугай опять кричит. Соня смеется и говорит: «Дайте, говорит, ему крупы. Он крупы требует».

Тут уж и меня смех взял. Я одному бойцу говорю: «Иди, говорю, сорви подсолнух. Раз этот попугай пленный, мы, говорю, его сейчас покормим согласно решению Гаагской конвенции».

Сорвал боец подсолнух. Накрошили мы попугаю семечек. Наблюдаем, как он их щелкает, как девчата на деревне, а то и чище.

Смотрим, попугай наелся, по жердочке ходит, как артист из цирка, и на нас круглыми глазами поглядывает.

Мы смотрим. Нам, безусловно, интересно. Я говорю: «Товарищ старший сержант Соня, как думаете, откуда такая птица произошла?»

А Соня отвечает: «По-моему, говорит, родина этих птиц — Африка и другие жаркие страны».

Тут наш один боец, фамилия неважно, остроуту дает: «Возможно, конечно, и Африка, но я, говорит, так думаю, что хозяину этой птицы и наша прохладная страна чересчур жаркой показалась».

Бойцы, конечно, засмеялись, а я говорю: «Не иначе эта птица какому-нибудь немецкому офицеру принадлежала и у него, значит, и подготовку свою прошла».

Так это мы разговариваем, вдруг попугай по-немецки кричит: «Россия будет наша!» Это уж Соня сразу переводить стала: «Россия, кричит, будет наша».

Мы говорим: «Это навряд ли».

А попугай на нас поглядел и кричит: «Через неделю Москва!»

Тут мы, конечно, только смеемся.

А попугай кричит: «Полное окружение. Мы окружены!»
«Ага, говорим, порядок. Давай, давай. Высказывайся».

А попугай кричит: «Котел! Котел!»

Тут мы, конечно, прислушиваемся, поскольку, знаете, птица освещает в своем кратком выступлении весь ход военных действий и, так сказать, останавливается на отдельных основных этапах.

А попугай требует: «Дай крупы! Дай крупы!»

Тут мы, конечно, опять его кормим. У попугая настроение — лучше не надо. Забрался он на самый верх клетки, вниз головой повис и вдруг как заорет:

— Гитлер капут!

Тут уж мы, конечно, все без перевода поняли.

Смех кругом. Бойцы пришли, офицеры.

А попугай висит, разоряется:

— Гитлер капут! Гитлер капут!

Я бойцу говорю: «Ну-ка, прибавь птице зерна, раз она проявляет такую сознательную и ясную перспективу».

Накормили мы попугая, погрузили в свою машину, переправились и дальше пошли...

А. РЕЗАПКИН

ГРОБ С МУЗЫКОЙ

(Рассказ)

Звягин часто взглядывал на березу, из ствола которой днем на его глазах осколком снаряда выхватило большой кусок древесины.

Когда под вечер немецкие пушки и минометы несколько утомонились, боец кустами подполз к этой березе и начал вокруг нее возиться и хлопотать.

Его друг и тезка, Петр Теличка, первый задира и насмешник, немедленно двинулся вслед за ним: помимо всех прочих своих качеств, Теличка был любопытен, как молодая сорока.

Ротные шутники утверждали даже, что свою первую медаль он заработал исключительно на почве любопытства: его страшно заинтересовало, сколько немцев может быть в блиндаже и можно ли, подкравшись, уложить их всех сразу одной гранатой.

Остановясь за кустом жимолости, Теличка с изумлением увидел, что его друг узкой полоской марли перевязывает ствол изуродованной березы.

Ехидным тоном Теличка тихо, но внятно сказал:

— Тю! Вы что, Петечка, раненой березке первую по-

мощь оказываете? Какая увлекательная медицинская игра для детей!

Звягин свирепо встопорщил свои клочковатые усы. Не обращая внимания на это грозное предостережение, Теличка продолжал в том же тоне:

— И какой же одаренный хлопчик: в таком нежном возрасте он уже самостоятельно играет в медицинские игры аж на передовой линии фронта!.. А мамаша, часом, не заругает?

Усы Звягина встопорщились еще грознее.

— Да вы не дергайте себя, Петечка, за ваши роскошные усы: вся рота знает, с какими трудностями вы их выращивали для маскировки возраста... Но мне помнится, что нас сюда прислали не березки лечить, а следить за передним краем противника: наблюдать и засекаать. Вы тут, извиняюсь, наблюдаете чи засекаете?

— А ты пить хочешь или не хочешь? — совершенно неожиданно спросил Звягин.

— Это как сказать, — уклончиво ответил Теличка, предполагая какой-то подвох. — Не очень.

Он нагло врал: поблизости не было ни ручья, ни родника, и друзей уже давно мучила жажда. Еще час тому назад Теличка горевал по поводу того, что наблюдениям и засечениям может помешать отсутствие воды, этого, в сущности, пустякового и слабого напитка...

— Сейчас мы напьемся, — уверенно сказал Звягин.

Теличка недоверчиво хмыкнул, но подполз поближе. Тогда Звягин показал ему свою флягу, в которую по марлевой ленточке струйкой бежал из дерева березовый сок.

— Вот это — химия! — восторженно прошептал Теличка. — Петечка, я вас уверяю — вы до лауреата дойдете!

Через несколько минут Теличка, смакуя, пил березовый сок и в промежутках между глотками бурно доказывал Звягину, что он, Звягин, — самый находчивый боец из всей первой роты, что такими изобретательными могут быть

только настоящие солдаты и что за последние дни усы у Звягина стали несравненно гуще и красивее.

Звягин не поддался на тонкую лесть и отобрал у Телички флягу.

— Мне вполне достаточно, — сказал на это Теличка. — Теперь могу хоть до утра наблюдать и засеку хоть самого чорта в ступе!

Поползли вперед по «ничьей земле». В мелколесье быстро темнело. Стрельба на этом участке почему-то совершенно прекратилась.

И вдруг глухо зарокотал приближающийся со стороны немцев грузовик. Бойцы замерли. Грузовик, поворчав, замолк в мелком ельнике.

— Надо выяснить! — горячо зашептал Теличка в самое ухо Звягина. — Надо выяснить, какую дрянь доставил сюда этот психически неуравновешенный немецкий шофер! А вдруг у него на грузовике миномет-десятистволка? Я же давно мечтаю познакомиться с его устройством путем гранаты.

В это время в ельнике что-то оглушительно рывкнуло. Потом раздалась буквально громоподобная речь! В этом грохоте с трудом можно было разобрать слова:

— Русские солдаты! Не стреляйте! Не стреляйте! Сейчас мы для вас прекрасный концерт имеем передавать.

И сразу же балалайка грянула камаринскую. Именно грянула: как из пушки.

— Петечка, это же приехала фрицевская пропаганда. Так называемый «гроб с музыкой». После музыки они будут передавать какую-нибудь брехню имени Геббельса.

— Все ясно, — быстро ответил Звягин. — Нам надо срочно сообщить минометчикам точные данные, они этот гроб сразу накроют. Пошли!

— Петя, это будет неправильно! — торопясь и захлебываясь, шепчет Теличка. — Я же мечтаю познакомиться с устройством этой машины!.. Давай подползем и проверим

оборудование... Мы и без минометчиков оформим все. Да мы и не успеем их известить! Эти громкоговорители брешут на скорую руку и моментально смываются: обстрел же будет!

Как бы в подтверждение этих слов, в стороне ударила мина, за ней другая: наши минометчики пристреливались по звуку.

Последние веские доводы убедили Звягина; быстро наметив план действий, бойцы двинулись к немецкому передатчику.

В полутьме они увидели громадную автомашину, вроде автобуса. Три рупора надрывались изо всех сил. Позади машины стоял немец, должно быть, шофер: кабина была пуста.

— Петечка,—лихорадочно прошептал Теличка,—вы лучше меня владеете холодным оружием: создайте этому фрицу условия...

С последним аккордом громогласной балалайки немец рухнул на землю. Немецкий диктор продолжал передачу:

— Не стреляйте! Скоро вы снова имеете слушать музыку, но сейчас кратко вам слово скажет ваш пленный товарищ, разведчик Иванов.

Другой диктор с довольно заметным немецким акцентом начал плести что-то несусветное от лица воображаемого Иванова.

Через открытую заднюю дверцу бойцы ветром влетели внутрь машины. Одного диктора схватил за горло Звягин, второго — Теличка. Последний не рассчитал силы, и его немец как-то удивительно быстро перестал дышать.

Звягин связал уцелевшего немца и заткнул ему рот. Теличка бросился к микрофону и быстро заговорил:

— Братва! Сейчас передача пойдет на другой волне... Да бросьте, черти, швыряться минами: невозможно заниматься! Вы бейте не сюда, а по опушке дубовой рощи: там у них две батареи нами засечены. Это говорю я, Теличка,

и со мной здесь Петя Звягин из первой роты. Мы этот музыкальный гроб оккупировали и закрепляемся тут... Одного немца доставим живьем, а двух заземлили... Сейчас едем к вам на этом музыкальном катафалке. Звягин вполне может газовать за шофера. Когда в балке возле сухой вербы покажется машина, не стреляйте и не волнуйтесь — это будем как раз мы. Если не удастся доставить, подорвем этот гроб гранатами. Пока!

Звягин уже завел мотор. Теличка остался с пленным внутри машины, у микрофона. Когда на развороте машина повернулась рупорами в сторону немцев, Теличка не мог отказать себе в удовольствии пустить в ход весь свой скромный запас немецких слов. Он грозно рявкнул в микрофон:

— Фриц, хенде хох! Гитлер капут!..

Я. ТАИЦ

НЕ НАДО МНЕ, ТОВАРИЩИ

Не надо мне, товарищи,
Особого пайка.

Не надо мне, товарищи,
Тугого кошелька.

А надо мне, товарищи,
Хорошего товарища,
Заветного дружка!

Чтоб мощь красноармейская
Угадывалась в нем
И выправка гвардейская
Видна была во всем.

Чтоб был он парень правильный
И мог бы на скаку

Одним ударом сабельным
Врагу смахнуть башку.

Чтоб шутку немудрящую
С полслова понимал
И песню подходящую
С душою напевал.

Чтоб мог без церемонии
В компании сплясать
И мог бы на гармонии
«Катюшу» подобрать.

Чтоб камень был характером,
Но ласковый притом,
Чтоб робкий был с девчатами,
Но смелый под огнем.

Чтоб рядышком дремали мы
У ротного костра
И взапуски хлебали бы
Из общего котла.

Чтоб радости нежданные
И все — напололам,
Включая те желанные
Солдатские сто грамм.

Чтоб вместе мы притопали
Когда-нибудь домой
И чтоб шумели тополи
Над нашей головой.

И чтобы с ним, товарищи,
Прожить бы налегке

До самой-самой старости
В далеком городке.

И там, в далеком городе,
Часы и дни подряд,
Поглаживая бороды,
Баюкая внучат,

Мы вместе вспоминали бы,
Как шли мы с ним в строю,
Как вместе воевали мы
За родину свою,
Как оба составляли мы
Солдатскую семью...

ПИШЕТ ДРУГУ КОМСОМОЛЬЦУ КОМСОМОЛОЧКА ОТВЕТ

(Народные частушки)

Пишет другу комсомольцу
Комсомолочка ответ:
От колхозной молодежи
Боевой тебе привет.

Сообщаю тебе, милый:
Наш колхоз передовой,
И привет прислал нам Сталин,
Наш любимый вождь родной.

Припев:

От села и до села
Все мы на работе.
Подналяжем, поднажмем —
Горы разворотим.

Ах, какая рожь густая
На ветру качается.
В одном поле запеваю,
В другом откликается.

Загорело лицо бело
В лесу на поляночке,
Не откажешься ли, милый.
От такой смугляночки.

Припев:

От села и до села,
Все мы на работе.
Подналяжем, поднажмем —
Горы разворотим.

Я комбайном управляла,
Любовалась на поля.
Как задумала, сбылось —
Комбайнеркой стала я.

Пойду полюшком гречишным,
В поле запах медовой,
Помню, помню, мой любезный,
Как прощались с тобой.

Припев:

От села и до села,
Все мы на работе.
Подналяжем, поднажмем —
Горы разворотим.

Сто пудов я обещала
И на деле докажу.

А ты, милый, обещался:
Сто фашистов уложу.

Не забудем, как давали
Обещание стране:
Бить фашистов крепко будем
И трудом и на войне.

Припев:

От села и до села,
Все мы на работе.
Подналяжем, поднажмем —
Горы разворотим.

ПАРТИЗАНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Играй, гармонь.
Играй, бубен.
Били фрицев.
Еще будем.

Ходи, хата, ходи, печь
И голаночка.
Изловила «языка»
Партизаночка.

Ой, фриц от тоски
Потерял носки.
Еще валенки
У завалинки.

Ой, дождь идет,
По дороге склизко.
Удирайте, полицей.
Партизаны близко.

Ходи, хата, ходи, печь,
Ходи, потолочина,
Вся фашистская орава
Будет помолочена.

Играй, гармонь,
Играй, бубен,
Били фрицев,
Еще будем.

Л. САЯНСКИЙ

ЧАСТУШКИ

Я работаю на жатке,
Не теряю зря минут,
Пусть на фронте без оглядки
Фрицы подлые бегут.

Я рожь сегодня жала,
Поработала немало,
Чтобы милый услышал
Да фашистов крепче «жал».

Овес до вечера косила,
Не жалела нынче сил.
Много ль фрицев нынче, милый,
Пулеметом «накосил»?

Сама пшеничку сеяла,
Собрала — провеяла,
Немцев, милый, не жалей,
Силу вражию развей.

До зари снопы вязала,
О дружочке вспоминала,
Милый целит фрицу в лоб,
Немец падает, как сноп.

Я не пела, не шутила,
Сто пудов намолотила.
Милый тоже не шутил —
Немцев сто «намолотил».

Б. ГОРБАТОВ

ИГНАТ НЕСОГЛАСНЫЙ

(Инсценировка С. Антонова)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Игнат Несогласный — высокий грузный, пожилой мужик с седящей бородой и с глазами острыми и мудрыми.

Степан Яценко.

Ведущий.

Ведущий выходит на просцениум.

Ведущий. Степан Яценко, один из сыновей старого рабочего Тараса, секретарь районного комитета партии, после прихода немцев на его землю остался в тылу врага для подпольной работы.

Он шел дорогами и проселками истерзанной Украины и видел: запрягли немцы мужиков в ярмо и пашут на них. Гонят по дороге тысячи оборванных, измученных пленных; падают мертвые, а живые перешагивают через трупы товарищей и бредут дальше на каторгу. Плачут полонянки

в вагонах с решетками, плачут так, что душа рвется, а едут. На виселицах качаются лучшие люди...

Где-то впереди и для него, Степана, уже была припасена намыленная веревка и для него уж сколотили виселицу.

Эту ночь Степан решил перебыть в селе Ольховатке, у своего дальнего родственника дядьки Савки. И здесь он встретился с немецким старостой — Игнатом Несогласным.

Занавес поднимается.

Хата. Две двери — в сенцы и в горницу. Печь. Лавка под иконами. Входит Степан. Тихо закрывает за собой дверь. Осторожно осмотревшись, начинает раздеваться. Вдруг прилащивается, застывает, так и не вынув одной руки из рукава. В сенцах — грузный топот. Без стука открывается дверь. В хату входит Игнат. Степан, рассмотрев Игната, рванулся к двери в горницу, на ходу натягивая пиджак, но Игнат уже заметил его.

И г н а т (в упор глядя на Степана). Здравствуйте.

Степан молчит.

Здравствуйте, товарищ Яценко. (Делает шаг к Степану.) Смело вы по селу ходите! Я из окна увидел, узнал. К дяде Савке зашли? Он сейчас будет. Скоро придет. (С насмешливой улыбкой.) Ну, еще раз здравствуйте, товарищ Яценко.

Степан ищет выхода из ловушки, смотрит на двери, озирается. Это замечает Игнат; он, усмехавшись, грузно опускается на лавку.

Сидайте. Чего стоять? В ногах правды нет.

Степан (задумчиво). В ногах правды нет. (Садится.)

И г н а т. Так! А вы меня не узнали?

Степан. Не узнал.

И г н а т. Значит, не узнали?

Степан. Где-то видел...

И г н а т. Припомните.

Степан. Должно быть, раскулачивал я вас... Не помню...

Игнат (смеясь). Та где там! Нас, мужиков, много, а вы один. Нас где ж упомнить! Як колосьев во ржи. Значит, не помните?

Степан. Нет.

Игнат. А вы даже беседы со мной имели, правда, в олчестве. Наедине не приходилось. Не помните?

Степан. Нет.

Игнат. Агитировал меня в колхоз, помнишь? Шесть лет меня агитировали. А я шесть лет не шел. Помнишь?

Степан. Помню.

Игнат. Шесть лет не шел. Несогласный я, кажу — и все тут. Так меня с тех пор Игнатом Несогласным и зовут.

Степан. Теперь помню.

Игнат. Несогласный я! Это так. А на седьмой год я сам пришел в колхоз. А отчего пришел? Га?

Степан (пожимая плечами). Ну, сагитировали, значит...

Игнат. Не-ет! Меня сагитировать неммысленно. Так отчего?

Степан. Не знаю. По разным причинам люди в колхоз шли...

Игнат. Вредить, что ль? Скот морить?

Степан молчит.

А-а? Нет! Сам убедился. И так кинул, и так положил — выходит, в колхозе выгоднее. И я согласился, пришел.

Степан. Убедился?

Игнат. Да. Убедился — выгодно.

Степан. Не поздно ли убедился?

Игнат. Ничего, не поздно. Теперь немец нам листки кидает, обещает землю дать в вечное и единоличное пользование. Как думаешь, даст?

Степан молчит.

Вот за Ольховаткой, чернозем... А? Как думаешь, даст?

Степан. Не даст.

Игнат. Не даст? Гм... *(Задумчиво.)* И я так думаю: не даст. Обманет. Помещикам своим отдаст. *(Подвигается к Степану. Хитро прищурился.)* Ну, а может, кой-кому и даст, га? Для близира?

Степан встает и медленно, но решительно приближается к двери, всячески затягивая ответ Игнату. Игнат следует за ним по пятам.

Степан. Может быть...

Игнат. Ну, старательным мужикам... Даст? А?

Степан. Может...

Игнат. Опять же старостам... Даст? А?

Степан. Как тебе сказать...

Игнат. Ну, а все-таки? Даст или не даст?

Степан *(у двери)*. Ответа ждешь? Ну что ж! *(Со злостью.)* Такому, как ты, даст! За усердие! Только смотри, Игнат, дорого ты купишь эту землю. Никто не забудет ее цены, на спинах она у людей плетками немецкими выбита, горбами она у людей значится. Никто тебя не простит. И рассчитывать с тобой многие придут. И я первый приду. Слышишь! Слышишь, Игнат?!

Степан хочет скрыться за дверь. Староста схватывает его рукой за плечо.

Игнат. Постой. Значит, все-таки даст? Даст, говоришь! Ага? И я так прикидываю: такому, как я, даст. *(Кричит, торжествуя.)* А я не возьму! Не возьму я! Га.

Степан оторопел.

(Хлопает Степана по плечу.) Не возьму! Ты это понять можешь? Э, где тебе понять! Ты, товарищ, городской человек. А я мужик. Я в эту землю корнями, душою врос. Сухота моя — эта земля. И вся моя жизнь в ней

же. И отцов моих, и дедов, и прадедов. Мне без земли нельзя. А только единоличной земли мне не надо. Не выгодно мне. Не подходит. Морока. И мачтаб не тот. Моей хозяйской душе без колхоза теперь жизни нема.

Степан. Постой! Нет, ты постой! Ты за что же стоишь?

Игнат (твердо). Я за колхоз стою!

Степан. Ну, значит, и за Советы? За нашу власть?

Игнат (лукаво прищурился, подмигнул Степану и усмехнулся). Ну, раз нет на земле другой власти, согласной на колхозы, кроме нашей, советской, так и для меня другой власти нет.

Степан (улыбаясь и облегченно вздыхая). Другой власти нету.

Игнат (тихо). Ты как... (Наклоняется к Степану.) Ты сам от себя ходишь? Спасаясь? Или уполномоченный?

Степан (улыбаясь). Уполномоченный.

И теперь уже совсем по-другому подходят Степан и Игнат к столу.

Игнат. Бумаг мне твоих не надо! Знаю тебя. Ну, раз ты есть от власти нашей уполномоченный, могу тебе сказать, а ты передай.

Степан. Слушаю.

Игнат. Колхоз наш, скажи власти, живет... Как бы это сказать? Подпольно живет. Есть у нас и председатель прежний. Орденосец. Замаскирован нами. И счетовод есть...

Степан. И книги ведет?

Игнат. И книги ведет. Книги могу показать тебе.

Степан. Верю. Не надо.

Игнат. И все добро колхозное попрятано. Вот хоть у сродственников спроси.

Степан. Верю.

Игнат. Хитро сделано. Государственно.

Степан. Ну а ты-то? Ты?.. Ты ведь староста?

Игнат. Староста. Верно. Только немцы с нашего села ни зерна не взяли. Что сами награбили, то и есть. А мы ни зерна не дали.

Степан. А как?

Игнат. Как? Про то моя спина знает. (*Задумался. Забарабанил пальцами по столу.*)

Пауза.

Староста! Немецкий староста я на склоне моих лет... Позор! Кругом старосты — звери и мироеды. Кулаки. И я землякам кажу: уважьте. Старость мою уважьте. У меня дети в Красной Армии. Не согласились со мной мужики, упростили.

Степан. Всем миром просили?

Игнат. Не миром! А колхозом просили меня. У тебя, говорят, Игнат, душа непокорная, несогласная с неправдой. Постой за всех.

Степан. Значит, и стоишь?

Игнат. Вот и стою. Немцы мне кричат: где хлеб, староста? А я кажу: нема хлеба.—А почему рожь осыпается, староста? — Нема чем убирать. — А почему скирды стоят, под дождем гниют, староста? — Нема чем молотить. — Мы тебе машины дадим, староста! — Людей, кажу, нема, хоть убейте. Ну и бьют. Бьют старосту смертным боем, а хлеба все нема.

Степан. Не могут, значит, душу покорить?

Игнат (*усмехаясь*). Что душу? Спину мою и ту покорить они не могут. Непокорная у меня спина! (*Распрямился.*) Ничего, выдержит!

Степан. Спасибо тебе, Игнат.

Пауза.

Игнат. Если власти нашей или партизанам хлеб нужен, дай весточку — хлеб дадим.

Степан. Хорошо, спасибо.

Игнат. Не мне спасибо. Хлеб не мой. Колхозный. Расписку возьмешь.

Степан. Хорошо.

Игнат. Еще вот что спрошу тебя... Скажи, наши вернутся? Не спрошу тебя, скоро ли и когда, бо того ты и сам не знаешь. Спрошу только: вернутся ли? Правду скажи!

Степан. Вернутся? Вернутся, Игнат, и скоро.

Игнат. Ну, вот! А спина моя выдержит, не сомневайся.

Степан. И прости ты меня, бога ради, прости.

Игнат. В чем же прощать?

Степан. Нехорошее о тебе думал... И не о тебе одном. Ну, в общем прости, а в чем — я сам знаю.

Игнат. Ну, бог простит!.. (Ласково, как сына, обнимает Степана.)

ЗАНАВЕС

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. Асеев. Прославлен наш народ. Музыка Д. Васильева-Буглая. ГУРК № 1420/44	3
А. Сурков. Сталинские солдаты. ГУРК № 1175/44	6
К. Симонов. Бессмертная фамилия. ГУРК № 1176/44	8
С. Михалков. Про победу. ГУРК № 1178/44	13
Л. Ошанин. На Берлин! Музыка А. Новикова. ГУРК № 1419/44	17
В. Лебедев-Кумач. Не забудем, не простим. ГУРК № 1179/44	21
В. Тушинова. Салют. ГУРК № 1180/44	22
М. Исаковский. Про «Катюшу». Музыка В. Захарова. ГУРК № 551/44	23
А. Твардовский. Василий Теркин. Дед и баба. ГУРК № 1423/44	27
М. Исаковский. Возвращение. ГУРК № 1183/44	35
Г. Филл. На переднем крае. ГУРК № 1184/44	37
С. Шипачев. Лейтенант. ГУРК № 1421/44	42
В. Кожевников. Дарья Гурко. ГУРК № 1185/44	44
М. Левашов. Как узнала я, молодка, про войну. Музыка М. Иорданского. ГУРК № 1188/44	50
В. Лебедев-Кумач. Письмо от матери. ГУРК № 1190/44	52
В. Лебедев-Кумач. Отец и сын. ГУРК № 1189/44	53
А. Сурков. Разговор. ГУРК № 1191/44	55
Г. Рыклин. Переполах в Березовке. ГУРК № 1192/44	56
С. Шипачев. Спор. ГУРК № 1193/44	61
Б. Ласкин. Случай на дороге. ГУРК № 1422/44	62
А. Резакин. Гроб с музыкой. ГУРК № 1194/44	67
Я. Тайц. Не надо мне, товарищи. ГУРК № 1195/44	71
Пишет другу комсомольцу комсомолочка ответ (народные частушки). ГУРК № 1198/44	73
Партизанские частушки. ГУРК № 1199/44	75
А. Саянский. Частушки. ГУРК № 1200/44	76
Б. Горбатов. Игнат Несогласный (инсценировка С. Антонова). ГУРК № 503/44/XII—т.о.	77

5